

Таким образом, говоря о макротексте загадок, следует учитывать не только их тематические группы, но и метафорические поля денотатов; рассматривая отдельную загадку как системную единицу макротекста, следует помнить не только о возможности ее автономного функционирования и самодостаточности, но и о ее открытости, внутренней связи с другими текстами.

ЛИТЕРАТУРА

- Беларуская народная творчасць: Загадкі / Склад. М.Я. Грынблат, А.І. Гурскі. Мн., 1972.
 Волоцкая З.М. Элементы космоса в фольклорной модели мира (на материале славянских загадок) // Исследования по структуре текста. М., 1987. С. 250–266.
 Загадки / Издание подготовила В.В. Митрофанова. Л., 1968.
 Polskie zagadki ludowe / Wybrał i opracował S. Folfasiński. Warszawa, 1975.

Казанцева Елена Анатольевна – преподаватель, кафедры теоретического и славянского языкознания БГУ.

О.А. ОБЛОВА

КОРРЕЛЯТИВНОСТЬ РУССКИХ ПРИЧАСТНЫХ ОБОРОТОВ И БЕЛОРУССКИХ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ

The article reviews participial constructions of the Russian language and inter-linguistic correlations in Belarusian literary texts. Cases of compression and syntactical expansion of the text in translation into Russian are described here, standard and individual author's types of inter-linguistic correlations are analysed in the article as well.

Сопоставительное исследование белорусских художественных текстов и их переводов на русский язык позволяет выявить закономерности, сходства и различия в структуре и функционировании родственных языков. При непосредственном анализе белорусских текстов и их переводов на русский язык мы установили, что русские причастные обороты появляются в тексте перевода на месте следующих белорусских грамматических форм и конструкций: 1) **причастных оборотов**; 2) **словосочетаний** – «глагол + существительное», «глагол + синтаксически несвободное словосочетание», «фразаологизм + существительное», «деепричастие + существительное», «причастие + наречие», «прилагательное + наречие»; **предложений** – двусоставных, односоставных, предикативных частей сложного предложения; **различных частей речи и форм слов** – причастий, имен прилагательных, имен существительных, наречий.

Чаще всего русский причастный оборот появляется на месте белорусского причастного оборота. При этом закономерна коррелятивность белорусских страдательных причастий прошедшего времени и русских страдательных причастий прошедшего времени. Бел.: *Кароткае было шчасце, **вырванае** ў бога* (У. Караткевіч «Каласы пад сярпом тваім»); рус.: *Коротким было счастье, **вырванное** у бога* (пер. В. Тараса). Наличие большого количества таких переводческих соответствий объясняется межъязыковой системной соотносительностью: и в русском, и в белорусском языках существуют страдательные причастия прошедшего времени, которые участвуют в процессе порождения текста как средство его компрессии.

Интерес представляют случаи замены белорусских страдательных причастий прошедшего времени на русские действительные причастия прошедшего времени. Бел.: *...Алесь убачыў над паркам узгорак з голай верхавінай, а на ім нешта ружова-аранжавае, **узнесенае** проста ў неба сваімі каланадамі* (У. Караткевіч «Каласы пад сярпом тваім»); рус.: *...Алесь увидел над парком пригорок с лысой вершиной, а на нем что-то розово-оранжевое, **вознесшееся** прямо в небо своими колоннадами* (пер. В. Щедриной). Подобная модель перевода – отражение существующей синонимии между страдательными причастиями прошедшего времени, предикативными

ми формами возвратных глаголов и действительными причастиями прошедшего времени, образованными от данных возвратных глаголов (см. подробнее Волинец 1998, 80–82).

Обращает на себя внимание тот факт, что русскоязычные переводы белорусских художественных текстов изобилуют лексико-семантическими заменами. Вместо лексических единиц оригинала в текст-перевод включаются языковые единицы, значение которых не совпадает со значением исходных единиц, но может быть выведено из них с помощью логических преобразований определенного типа. Характерно, что подобные лексико-семантические замены осуществляются только на уровне самой причастной формы оборота, грамматические признаки которой сохраняются. Бел.: *Яны сядзелі моўчкі, **аглушаныя** страшным відовішчам* (У. Караткевіч «Каласы пад сярпом тваім»); рус.: *Они сидели молча, **ошеломленные** страшным зрелищем* (пер. В. Щедриной).

Высокочастотны в нашем материале и межъязыковые корреляции белорусской придаточной части (обычно определительной) сложноподчиненного предложения и русских причастных оборотов. Среди переводческих соответствий данной группы чаще всего встречаются случаи с полным совпадением видо-временной формы белорусского глагола и русского причастия с сохранением при переводе грамматических характеристик зависимого имени существительного, которое является объектным, пространственным или причинным распространителем глагольных лексем. Бел.: *У лагчыне пусцелі каменныя каробкі нейкіх нізкіх будынін, **што зараслі шыпшынай і калючкамі*** (У. Караткевіч «Каласы пад сярпом тваім»); рус.: *В ложбине пустовали каменные коробки каких-то низких строений, **заросших шиповником и колючками*** (пер. В. Щедриной).

Иногда при переводе наблюдается синтаксическая компрессия, в результате которой упрощается синтаксическая структура текста: сложноподчиненное предложение из оригинального текста переводится осложненным простым предложением. Бел.: *Нічога, мабыць, ужо не магло ўратаваць, калі **хтосьці надзяліў** яго паганым і страшным **словам** «кулак»* (В. Быкаў «Аблава»); рус.: *Ничто уже, видно, не могло спасти Ровбу, **помеченного** поганым и страшным **словом** «кулак»* (пер. В. Тараса). Данные примеры иллюстрируют двойные синтаксические свертывания белорусскоязычного текста, когда преобразуется не только белорусская глагольная лексема, но и структура предложения в целом. На это обратили внимание и исследователи, занимающиеся описанием перевода русских причастий в белорусскоязычных текстах. "Способность русских причастий имплицитно выражать не заложенные в них при образовании, а приобретенные в определенном контекстом окружении смыслы всегда проявляется только при введении в текст дополнительных лексем" (Волинец 1998, 23).

В художественном белорусском тексте часто придаточная определительная часть оформляется безличным распространенным предложением. Первый компонент таких предложений (схема *Pron neg Inf*) – местоимение с отрицанием, второй компонент – инфинитив – лексически свободен. Наиболее адекватным вариантом перевода подобных структур является сходное по структуре русское безличное предложение: бел. *няма чаго рабіць*; рус. *нечего делать*. В нашем материале на месте подобной белорусской придаточной определительной части появляется постпозитивное распространенное определение, выраженное причастным оборотом *страдающий от безделья*. Общая атрибутивная семантика русского словосочетания *причастие + существительное* по отношению к определяемому слову осложняется обстоятельственным причинным значением внутри самого подчинительного словосочетания. Бел.: *З тых вырабаў, **што майструюць** людзі, якім вельмі доўга і люта **няма чаго рабіць*** (У. Караткевіч «Каласы пад сярпом тваім»); рус.: *Такие обычно мастерят люди, люто и упорно*

страдающие от безделья (пер. В. Щедриной). Переводчик стремится избежать «нанизывания» придаточных определительных предложений, так как при буквальном переводе ему пришлось бы два раза использовать союзное слово *который*: *изделия, которые мастерят люди, которым очень долго и люто нечего делать*.

Русский причастный оборот может появляться в тексте перевода на месте белорусской конструкции «*фразеологически несвободное словосочетание + существительное*». Белорусский глагольный фразеологизм *не давалі спакою* в составе придаточной части сложноподчиненного предложения переводится синонимичным русским причастием *досаждавшие*, являющимся ядром обособленного определения. Бел.: *Некалі там вадзілася багата мядзведзяў, якія не давалі спакою і жыхарам суседніх паселішчаў* (В. Быкаў «Аблава»); рус.: *Некогда в соседних с Боговизной лесах водились медведи, немало досаждавшие жителям окрестных селений* (пер. В. Тараса).

Описательные белорусские глагольные конструкции с союзами *што, які*, смысловым центром которых является несвободное синтаксически словосочетание в функции составного неглагольного сказуемого, обычно коррелируют в переводе с обособленными определениями, выраженными трехсловными синтаксически несвободными словосочетаниями с причастиями. Бел.: *То пачыналася Багавізна, якая ў тутэйшым краі была дьябальскай, страхавітай мясцінай* (В. Быкаў «Аблава»); рус.: *Кажется, тут начиналась Боговизна, слышная среди здешних жителей особенным, почти дьявольским местом* (пер. В. Тараса).

Межъязыковая корреляция белорусского глагола с русским причастием наблюдается не только на уровне сложноподчиненного предложения, но и на уровне предикативного сочетания простого предложения. Бел.: *Якія пахілыя драўляныя крыжы, усе шэрыя і ў глыбокіх трэшчынах стаяць на скрывахаваных шляхоў* (У. Караткевіч «Каласы пад сярпом тваім»); рус.: *Покосившиеся деревянные кресты, серые, в глубоких трещинах, стоящие на перепутьях* (пер. В. Щедриной). В данном примере при переводе происходит перестройка грамматической структуры высказывания при сохранении тождества отражаемого факта объективной действительности. Переводчик использует прием компрессии, концентрируя в однословном наименовании семантику, выраженную в тексте-оригинале расчлененно.

Русские причастные обороты часто появляются и в качестве коммуникативных аналогов белорусских словосочетаний «*прилагательное + существительное*». Как отмечает Т.Н. Волинец, «функциональная общность на синтаксическом (определение) и изобразительном (эпитет) уровнях делает возможной и системно оправданной межъязыковую синонимическую замену белорусского имени прилагательного на русское причастие (см. Волинец 1993, 54). Подобная широко используемая эквивалентность компенсирует ограничения в функционировании причастных форм в белорусском языке и придает языку русского перевода ту необходимую выразительность, которая присутствует в русской художественной речи. Бел.: *...убачыў там старога гаспадара, счырванелую ад гневу Герду...* (В. Быкаў «Аблава»); рус.: *...увидел на крыльце покрасневшую от гнева Герду...* (пер. В. Тараса).

Довольно часто русские причастные обороты с ядром – действительным причастием настоящего времени появляются в переводе на месте белорусского адъективного словосочетания, главным компонентом которого является прилагательное, образованное суффиксальным способом от глагольной лексемы. Так, белорусское прилагательное *пахучы* образовано от глагола *пахнуць* и имеет значение «характеризующийся действием, названным мотивирующим словом». В современном белорусском языке имена прилага-

тельные и причастия на -учы/-ючы, -ачы/-ячы чаще всего носят, бесспорно, разговорный характер. Бел.: *Сыпанулі насустрач людзі, хутчэй неслі дзяцей у дом, расхувалі іх, пахучых з марозу* (У. Караткевіч «Каласы пад сярпом тваім»); рус.: *Навстречу высыпали люди, быстро несли детей в дом, раздевали их, пахнувших морозом* (пер. В. Щедриной). В приведенном примере при сохранении синтаксической функции белорусского адъективного и русского причастного оборотов как постпозитивных определений при личном местоимении наблюдается несовпадение грамматического значения русской и белорусской конструкций.

Иногда русское обособленное определение с ядром – *страдательное причастие прошедшего времени + имя существительное в творительном падеже* появляется в тексте-переводе на месте расчлененной белорусской синтаксической конструкции, состоящей из нескольких структурных частей, семантически связанных друг с другом, но пунктуационно оформленных как отдельные высказывания. Бел.: *Яго тут трохі хавалі ад берага купіны і лазняк. А галоўнае – тыя, на беразе, мабыць, не надта імкнуліся ў багну, мабыць жа ведалі, што дна ў ёй няма* (В. Быкаў «Аблава»); рус.: *Он все сидел по шею в воде, скрытый от берега камышом и кочкарником, а те, на берегу, видно, боясь трясины, даже не приближались к бочажине* (пер. В. Тараса).

Иногда русский причастный оборот появляется на месте белорусского обстоятельства образа действия, выраженного деепричастным оборотом. Бел.: *І на яго пазіралі і плакалі некаторыя – болей бабы – пастаўшы пад старой пахілай вербінай ля Саўчыкавай хаты* (В. Быкаў «Аблава»); рус.: *Ему вслед глядели и плакали деревенские бабы, собравшиеся под суковатой вербой возле Савичковой хаты* (пер. В. Тараса). Лексико-семантическая замена белорусского деепричастия на русское причастие в данном примере объясняется невозможностью образовать деепричастие на -вши от русского глагола *стать*. Кроме того, формы на -вши носят в русском языке разговорный или просторечный характер.

В синонимические отношения с русским причастным оборотом могут вступать и белорусские конструкции, опорным словом которых является существительное со сходным лексическим значением. Чаще всего это однокоренные отглагольные имена существительные со значением определенного действия. Бел.: *І, хутчэй ад замілавання гэтай нечаканай дароласцю, чым ад усведамлення неабходнасці волі для кагосьці з Кагуты, бацька сказаў...* (У. Караткевіч «Каласы пад сярпом тваім»); рус.: *И, скорее умиленный этой неожиданной взрослостью, чем от сознания необходимости дать вольную кому-то из Когутов, отец сказал...* (пер. В. Щедриной). Наличие таких переводческих соответствий еще раз подтверждает мысль о том, что, синтезируя в себе значение признака и процесса, отглагольные образования вступают друг с другом в отношения морфологической и синтаксической производности и «оформляют эти отношения соответственно как именными, так и глагольными категориями» (Волынец 1998, 112).

Иногда при переводе белорусских словосочетаний *существительное + существительное* русскими причастными оборотами происходит синтаксическое развертывание текста перевода. Бел.: *Ах, маленькі капрал, спрытнога, маленькі абабівач грушак чужымі рукамі* (У. Караткевіч «Каласы пад сярпом тваім»); рус.: *Ах! Маленький капрал, ловкач, маленький шельмец, обивающий груши чужими руками* (пер. В. Щедриной). Вместо сказуемого номинатива с коннотативной окраской *абабівач грушак* в русскоязычном тексте наряду с обособленным определением, выраженным причастным оборотом *обивающий груши*, используется дополнительная лексема *шельмец* в функции сказуемого номинатива. Подобная коррелятивность «под-

сказывается» лексической системой, и появление русского имени существительного – реализация в русском тексте суффикса субъективной оценки -ач белорусской лексики *абабівач*. Синтаксическое развертывание текста в данном случае позволило более образно передать семантику однословного наименования.

Нередко при переводе в русские причастные обороты разворачиваются белорусские словосочетания *существительное + предлог + существительное*. Ср.: бел. (узлежак) *з кустаў* – рус. *заросшая кустарником (опушка)*; бел. (вочы) *з дабрынь і тугою* – рус. (глаза), *смотрящие с такой добротой и тугою*. Используя в данном случае дополнительные лексические единицы, переводчик стремится передать имплицитные элементы смысла оригинала. Кроме того, вводя причастные конструкции в русский текст, переводчики сохраняют характерное для русской художественной речи изобилие причастными формами.

Интерес, на наш взгляд, представляют случаи, когда русский причастный оборот в тексте перевода появляется как результат синтаксического развертывания белорусского наречия. Бел.: *Ён разморана бавіў цёмны перадсвятлы час, вагаўся* (В. Быкаў «Аблава»); рус.: *Разморенный дремотой, он медлил, тянул время* (пер. В. Тараса). При таком переводе описываемая автором ситуация расширяется с введением в текст перевода добавочных семантических и грамматических единиц. В основе подобных переводческих трансформаций «лежат не только особенности узуального, т. е. общепринятого употребления изоморфных средств выражения, закрепленные нормами соответствующей пары языков, но и особенности окказионального, обусловленного специфическим контекстом, использования этих средств в конкретной функциональной разновидности речи» (Гарбовский 1982, 101).

Анализ межъязыковых коррелятов русских причастных оборотов в белорусско-язычных текстах позволяет сделать следующие выводы: 1. Выбор причастных конструкций, способных выступать в качестве межъязыковых коррелятов белорусских синтаксических конструкций и форм, находится в прямой зависимости от функциональной нагрузки синтаксических единиц в белорусском тексте. 2. Не все переводческие преобразования белорусских синтаксических конструкций в русские причастные обороты обусловлены расхождением белорусского и русского языков на уровнях системы, нормы или узуса. Некоторые преобразования могут быть вызваны другими факторами: необходимостью учета внутритекстовых связей, оптимальным стилистическим оформлением высказывания на русском языке, профессионализмом и языковой корректностью переводчика. 3. Общая и полная типология переводческих преобразований позволяет обнаружить стандартные (подсказываемые языковой системой) и нестандартные (индивидуально-авторские) типы межъязыковых коррелятов, в которых выражается связь элементов оригинального белорусского текста с соответствующими русскими причастными оборотами.

ЛИТЕРАТУРА

- Валынец Т. М. Рускія дзеепрыметнікі і іх камунікатыўныя эквіваленты ў беларускамоўных тэкстах // *Веснік БДУ*. Сер. 4. 1993. № 3. С. 50–57.
 Волянец Т. Н. Грамматический феномен причастия. Мн., 1998.
 Гарбовский Н. К. Переводческие трансформации и обучение переводу // *Перевод как лингвистическая проблема*. М., 1982. С. 97–109.

Облова Ольга Антоновна – преподаватель кафедры русского языка БГУ.

